

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Vol. 19, № 2. С. 66–72.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 66–72.

Круглый стол
УДК 316.334.2:316.334.56:316.728:39(571)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-72>

Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока

Анна Юрьевна Ардалянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Хакасский научно-исследовательский институт языка литературы и истории,
Абакан, Россия, vinokurova77@mail.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@togudv.ru
Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com
Константин Николаевич Сердюков
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, me@serdjukov.ru
Елена Евгеньевна Тиникова
Хакасский научно-исследовательский институт языка литературы и истории,
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Ключевые слова: социальные границы, локальные сообщества, посёлки городского типа, повседневность, региональные практики, мигранты и миграции, Сибирь, Дальний Восток

При поддержке гранта РНФ № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>

Для цитирования: Ардалянова А. Ю., Бляхер Л. Е., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Леонтьева Э. О., Сердюков К. Н., Тиникова Е. Е., Яковлев А. И. Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 66–72.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-72>

Round Table
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-72>

The Boundary in the Everyday Life of Regional Communities in Siberia and the Russian Far East

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Leonid E. Bliakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, leonid743342@mail.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia, vinokurova77@mail.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, 012551@togudv.ru
Elvira O. Leontyeva
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com
Konstantin N. Serdyukov
Pacific Geographical Institute, FEB RAS, Vladivostok, Russia, me@serdjukov.ru
Elena E. Tinikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru
Aital I. Yakovlev
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Key words: social boundaries, local communities, urban-type settlements, regional practices, migrants and migrations, Siberia, the Russian Far East

Supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>

For citation: Ardalyanova A. Yu., Bliakher L. E., Vinokurova A. V., Kovalevskii A. V., Leontyeva E. O., Serdyukov K. N., Tinikova E. E., Yakovlev A. I. The Boundary in the Everyday Life of Regional Communities in Siberia and the Russian Far East" // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 66–72.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-94>

Круглый стол "Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока" проходил в разных форматах (оффлайн, онлайн, смешанный) и на разных площадках: в ноябре 2024 г. в рамках VIII все-российской научно-практической конференции с международным участием "Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР"; в марте 2025 г. на полях XV Международной Грушинской социологической конференции, а также в марте 2025 г. на межрегиональном семинаре "Посёлки городского типа на Востоке России: социально-демографические процессы и повседневные практики локальных сообществ". Мероприятие объединило исследователей из Владивостока, Хабаровска, Якутска и Абакана. Его проведение представляется нам, с одной стороны, неким завершающим итогом реализации гранта РНФ: № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи". С другой стороны, это дальнейшее развитие темы продолжающихся и новых грантовых проектов РНФ: № 24-18-20038 "Мигранты в структуре населения Хабаровского края: социальные позиции, социальные практики и механизмы адаптации"; № 24-28-00554 "Внутри региональных миграций в России: путь с Востока на Запад"; № 25-28-00500 "Ни к селу ни к городу: трансформация образа жизни жителей посёлков городского типа в республиках Сибири и Дальнего Востока". Предлагаем читателям краткое изложение материалов данной дискуссии.

Винокурова А. В.: Уважаемые коллеги! Для начала хотелось бы прояснить понятийные основания изучения границ применительно к локальным сообществам: что такое "граница" в контексте их повседневной жизни?

Леонтьева Э. О.: Вопрос о границах – один из фундаментальных в социально-гуманитарном знании. В самом широком смысле, применимом к повседневным реалиям, граница – это то, что делает возможным существование нормы и саму процедуру нормирования, поскольку разделяет допустимое от недопустимого, дозволенное от запретного. Это социальный конструкт, задающий различие между "своими" и "чужими", между странами, территориями, собственностью, культурами, мировоззрениями и другими формами коллективной принадлежности. Различия между такими границами определяются разными типами договорённостей. Некоторые из них, например, государственные и административные, можно установить, опираясь на формальные правовые нормы. В символическом, социальном и культурном пространстве договориться о том, как провести границы, намного сложнее: здесь сталкиваются различные системы ценностей, нормы и представления, и сама возможность диалога о границе часто ставится под сомнение. Дихотомия "свой – чужой" является ключевой для конструирования границы. В целом, границы между "своими" и "чужими" представляют собой системы маркеров, позволяющие выделить (или исключить) из группы тех, кто не поддерживает её культурные образцы. При этом границы не только фиксируют различия, но и активно воспроизводят их, формируя нормативные представления о порядке, идентичности и принадлежности. Таким образом, они выполняют не столько описательную, сколько регулирующую функцию, определяя, кто является "своим", а кто – "чужим", границы очерчивают допустимые формы поведения и участия в коллективной жизни. Особенно важно понимать, что границы могут быть подвижными и изменяться в зависимости от социального контекста, политических условий или исторического момента. Они могут становиться жёсткими барьерами или, наоборот, размываться, превращаясь в зоны контакта, гибридности и культурного обмена. Исследование границ становится ключом к анализу социального взаимодействия, повседневных практик. В конечном счёте вопрос о границах – это вопрос о правилах включения и исключения, о том, кто, где и на каких условиях имеет право быть.

Винокурова А. В.: А как эти символические механизмы разграничения проявляются в конкретном социальном пространстве? Насколько чётко маркируется дихотомия "свой – чужой" в повседневной жизни небольших населённых пунктов, например, в таком гибридном, промежуточном формате, как посёлки городского типа (пгт)?

Тиникова Е. Е.: Символические границы между селом и городом в пгт проходят не столько по формальным административным линиям, сколько по устойчивым социальным представлениям, повседневным практикам и идентичностным ориентирам жителей. Пространственно "город" ассоциируется с центром: асфальт, многоэтажки, магазины и учреждения; "село" – с окраинами, индивидуальной застройкой и огородами. Повседневный уклад также различается, городской стиль жизни больше ассоциируется с потреблением услуг и культурной мобильностью, а сельский – с замкнутостью и цикличностью, подчинённой природным и аграрным ритмам. В пгт наблюдается переплетение границ городского и сельского уклада, это затрагивает и сферу досуга. Граница между досуговыми практиками города и села, конечно, является условной. Тем не менее, принято считать, что типично городскими видами досуга являются посещение театров, музеев, походы по развлекательным центрам, кафе, шопинг. К сельским видам проведения досуга, как правило, относят его различные "домашние" формы, выезды на природу и проч. В качестве "универсальных", характерных как для города, так и для села, вариантов организации свободного времени можно назвать встречи с друзьями, прогулки, занятия спортом. Результаты исследований, проведённых в республиках Саяно-Алтая (Хакасия, Тува, Алтай), показывают снижение интереса к посещению культурно-досуговых учреждений, особенно среди молодёжи. Жители пгт больше ориентируются на "сельский" досуг. Поездки в город с целью посещения театров, музеев, концертов, кинотеатров и т. п. не имеют широкого распространения, в отличие от поездок с целью совершения покупок в торговых центрах. А повсеместное распространение интернета привело к всеобщей цифровизации досуга, что ещё больше привязывает людей к дому, "одомашнивает" их свободное время.

Яковлев А. И.: В дополнение можно отметить, что символическая граница между городским и сельским в пгт – это динамичная линия, проходящая через физическое пространство, социальные различия и коллективные представления. Она может быть различной для разных групп жителей и трансформироваться в зависимости от внешних условий, например, от изменений в деятельности градообразующего предприятия или появления нового объекта соцкультбыта. В своих нарративах жители посёлков часто маркируют свою территорию как "ближе к городу" или, наоборот, как "почти деревню". Как показал наш экспедиционный опыт в пгт Якутии Жатай и Мохсоголлох, дихотомия "свой – чужой" носит сложный, многоуровневый характер. С одной стороны, компактность сообщества, высокая плотность социальных связей, пересечение семейных и профессиональных кругов создают плотное "поле узнавания", где "свой" – это тот, кого знают лично или знают, "чьих он будет". Здесь "чужой" часто определяется не только как приезжий или мигрант, но и как человек, не встроенный в локальные отношения, например, новый сотрудник, переехавший из другого населённого пункта или региона, или даже местный, но "не наш" по стилю жизни или поведению. С другой стороны, именно гибридность пгт как промежуточного формата между городом и селом создаёт дополнительные оттенки восприятия "своих" и "чужих". Жители центра нередко воспринимаются как "чужие" на окраинах и наоборот. В свою очередь, новые группы, например, "улусные", вахтовики, сезонные работники, мигранты из стран СНГ могут быть восприняты как временные "чужие", которым не приписывается полномасштабное членство в сообществе, даже если они активно включены в его экономику. Таким образом, в повседневной жизни пгт "чужой" – это не только тот, кто пришел извне, но и тот, кто по каким-либо причинам "не вписался" в норму, привычный ритм, локальные ожидания. Дихотомия "свой – чужой" здесь жива, но её границы постоянно переопределяются и опираются на культурные, социальные и пространственные критерии одновременно.

Винокурова А. В.: Особый интерес представляет вопрос о влиянии границы на мобильность населения, какие здесь возникают барьеры и воз-

возможности? Как воспроизводятся границы в локальных нарративах и каковы повседневные практики взаимодействия с границей?

Бляхер Л. Е.: В качестве одного из основных механизмов преодоления барьерных свойств границы и, напротив, реализации её контактных функций выступает миграция. Однако, представляется, что всё большее усложнение структуры миграции, высокая гетерогенность миграционных потоков ведёт не столько к преодолению границ, сколько к формированию новых в исходно едином пространстве. Модельными ситуациями в этом смысле могут выступать небольшие периферийные города, которые служат точками входа миграционных потоков, связанных с "новым освоением" северных территорий Сибири. Так, малый город Усть-Кут (около 36 тыс. жителей) на севере Иркутской области, является не только отправной точкой БАМа и "северного завоза" в Якутию по р. Лене, но и площадкой для реализации крупного промышленного проекта – строительства Иркутского завода полимеров. Масштабы проекта существенно превосходят человеческие ресурсы города: число занятых в строительстве оценивается в 7 тыс., в эксплуатации – более 1,5 тыс. человек. Учитывая нерелевантность профессионально-образовательной структуры местного населения профилю проекта, строительство и последующая эксплуатация завода порождает значительную входящую миграцию. В результате в последнее десятилетие в городе постоянно находятся довольно крупные группы мигрантов из России и зарубежья. Несмотря на то, что подавляющая часть мигрантов в городе присутствуют лишь транзитом, городские локальности, через которые он проходит, всё более отчётливо маркируются как "мигрантские". И это не только привокзальная площадь города – локальность традиционно пограничная, но и значительная часть центральных улиц, с которыми совпадает маршрут транзитного потока. Временные для города мигранты становятся постоянным "социологическим фактом, который принимает пространственную форму" [6], выделяя мигрантскую локальность из тела города. Ещё более рельефная граница образуется при строительстве нового микрорайона для будущих сотрудников завода. Вынесенная за пределы сложившейся застройки и предназначенная исключительно для сотрудников предприятия, эта локальность не просто конструирует границу между "местными" и "пришлыми", но буквально манифестирует её барьерную функцию. Мощные миграционные потоки стирают границы между периферией и "центром", включают город в "большой мир". Но одновременно они же конструируют новые границы в пространстве повседневности. И если первые редко оказываются значимыми для жителей, то вторые прямо определяют не только набор практик, но доминирующие дискурсы о мигрантах, миграции и границах.

По сути, границы должны препятствовать мобильности, как уже было отмечено выше, задавать различие между "своими" и "чужими". Важнее здесь факт признания различия в качестве границы. И форма поддержания границы, и форма пересечения связана с системой ритуалов (от поведения на таможне при пересечении государственной границы, до знания местных речевых и культурных особенностей при пересечении границы локального сообщества). Большая часть населения благополучно существует внутри границ. Но возможна ситуация, когда сообщество начинает осознавать само своё существование как проблему. Нечто подобное произошло в начале 1990-х гг. на Дальнем Востоке (ДВ) России, при исчезновении смысла "региона-крепости". Люди, связанные с этой идеологией, составили основу "западного дрейфа" 90-х. В этот период трудоизбыточный регион сбросил "лишнее" население. Оставшееся вполне успешно адаптировалось через использование трансграничных связей и обретения новой идентичности ("мы – те, кто выжили"). Сложилось то, что можно обозначить как территориальное сообщество и локальную экономику. Но специфика центр-периферийных связей в стране такова, что локальная, обслуживающая нужды территориального сообщества экономика просто не видна из центра. В "пустом" регионе начинает реализовываться мегапроект. Возникает острая нехватка трудовых ресурсов. Она возполняется трудовыми мигрантами, в основном из Центральной Азии (ЦА). Как показывают результаты наших исследований (грант РНФ № 24-18-20038, <https://rscf.ru/project/24-18-20038>), поток из этого региона на ДВ шёл весь постсоветский период. Но в тот момент миграция осуществлялась в основном через "земляков", прибывших ещё в период СССР, адаптированных в терри-

торияльном сообществе. В этом виде миграция проблемой не являлась. "Чужими" в тот период воспринимались выходцы из Китая. А после 2010–2012 гг. место "чужих" прочно занимают мигранты из ЦА. Относительно этих "чужих" и выстраиваются новые границы: этнические, религиозные, языковые.

Винокурова А. В.: А вот насколько миграция разрушает, а не воссоздаёт границы: физические, символические, нормативные? И не становится ли она в ряде случаев тем самым механизмом, с помощью которого "граница" не только репродуцируется, но и обретает новые формы?

Ковалевский А. В.: За последние годы, в рамках ряда научных проектов (грант РНФ № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554>; грант РНФ № 24-18-20038, <https://rscf.ru/project/24-18-20038>), мы раз за разом фиксировали единый сюжет, в центре которого стоит идея миграции как попытка обретения свободы. В числе прочего свобода отмечается как ключевой ресурс, получаемый при перемещении через границу. Парадоксальным становится то, что часто ощущение свободы сопровождается включённостью в новые системы ограничений. Наши исследовательские кейсы – трансмиграция жителей ДФО России в страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) и трудовая миграция из стран ЦА в РФ – демонстрируют, как ограничения принимающего сообщества могут интерпретироваться мигрантами как временные, незначимые или даже желательные. Здесь мы использовали метафору "клетки", понимаемую как система формализованных правил, ограничивающих действия индивида [3]. В данном контексте "чужая клетка" – это институциональное и нормативное пространство принимающего сообщества, в которое включается мигрант. Так, например, молодёжь в возрасте 20–35 лет из российских дальневосточных регионов, переезжая в ЮВА, описывают свою миграцию в категориях свободы и психологического комфорта [4]. Пространства, где действует внешний контроль, например, визовый режим, культурные табу, не воспринимаются как ограничивающие, поскольку не затрагивают ключевые повседневные практики мигранта. Следовательно, контроль выполняет роль "чужой клетки", которая не способна ограничивать привычные сценарии. А вот мигранты из ЦА, первоначально воспринимавшие российское общество как более свободное, сталкиваются с растущим институциональным контролем и социальной стигматизацией [2]. Усиление миграционного регулирования, этнизация правоприменительной практики и культурная дистанция усиливают восприятие "чужой клетки" как репрессивной, превращая её в "клетку для чужих".

Винокурова А. В.: Тем самым встаёт вопрос: каким образом мигранты оказываются не только в пространстве правовых или, допустим, экономических ограничений, но и в символической изоляции, задаваемой коллективными представлениями и медийными штампами?

Сердюков К. Н.: Контент-анализ российских СМИ уже много лет демонстрирует чрезвычайно высокий уровень негативной риторики, связанной с иностранными мигрантами, в первую очередь из стран ЦА. Основными темами публикуемых материалов являются административные правонарушения и уголовные преступления, а также результаты деятельности правоохранительных органов, направленной на предотвращение угроз, исходящих от мигрантов. Сформировался масштабный и весьма устойчивый стереотип, согласно которому иностранные мигранты в России опасны, необычайно криминогенны и являются мощным источником социальной дестабилизации. Паттерн **"мигранты – преступления"**, стабильно повторяющийся в информационной повестке, создаёт впечатление о наличии чёткой причинно-следственной связи. Однако есть ли доказательства того, что иностранцы в нашей стране совершают преступления чаще, чем местные жители? Как показывает проведённый нами анализ [5], вопреки распространённому мнению, криминальная активность иностранных граждан **не превышает аналогичные показатели** постоянного населения России в целом. Всё это свидетельствует о явной подмене рациональной оценки негативным нарративом, который, вопреки имеющимся статистическим данным, определяет отношение местного населения к приезжим. Данные обстоятельства выталкивают мигрантов за пределы символического социума, сводя всю миграционную тематику к риторике противопоставления **"мы – они"**, а сам процесс иностранной миграции рассматривается принимающим сообществом лишь как системная проблема. Вместо интеграции мы получаем маргинализацию, вместо диалога – отчуж-

дение. Ключевым вектором преодоления этого кризиса репрезентации могла бы стать переориентация медиадискурса с конфронтационной риторики на **просветительскую** парадигму.

Винокурова А. В.: А как ещё нарративы о мигрантах, присутствующие в медийной повестке и в общественном сознании, вплетаются в ткань повседневной региональной жизни? Например, как религиозность мигрантов становится одним из ключевых маркеров, определяющих границы "своих" и "чужих"?

Ардальянова А. Ю.: С появлением мигрантов постепенно меняется религиозный ландшафт региона. В этой связи мне бы хотелось переключить наше внимание на границы, которые отделяют как религиозные сообщества друг от друга, так и "религиозное" от "светского". Для ДВ характерно больше второе, нежели первое. В медиадискурсе и общественном сознании особо чётко ощущается граница, возводимая не между "чужими" мигрантами-мусульманами и, скажем, "своими" православными, а между проявлениями религиозности кого бы то ни было и рутинной повседневностью местных сообществ. Жители дальневосточных регионов маркируют всех мигрантов как мусульман и всех мусульман как мигрантов. И возникает вопрос: а насколько религиозны мигранты-мусульмане? Опираясь на данные проведённых нами исследований (грант РНФ № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113>), можно утверждать, что религиозность мигрантов, особенно молодых, сводится скорее к традиции, чем к острой потребности [1]. Религиозные практики входят в пространство личных границ, но из-за специфики ислама они имеют свойство нарушать личные границы других людей. Именно коллективная молитва и именно в пятницу вечером, намаз по расписанию пять раз в день, необходимость омовения перед молитвой, особые пищевые практики и т. п., всё это элементы, соприкасаясь с которыми граница как минимум становится ощутимой, а порой и нарушается. Хотелось бы озвучить ещё один тезис. Сегодня обозначается граница между реальным и виртуальным пространством религиозной практики мигрантов-мусульман. Молодёжь всё больше предпочитает смотреть и слушать проповеди в сети. Однако каково содержание этих проповедей? Понимают ли сами слушатели во что они вовлекаются? В связи с этим возрастает роль того реального религиозного сообщества, которое доступно мусульманам в регионе в виде мечети или молельного дома, так как когда мигрант-мусульманин посещает мечеть, он пересекает эту виртуальную границу и "выходит из телефона". При этом сами представители религиозных организаций готовы осуществлять медиасопровождение своей деятельности и создавать "виртуальные" мечети, для чего создают специальные каналы и сайты, снимают ролики, ведут подкасты.

Винокурова А. В.: Подводя итоги нашей дискуссии, отмечу, что социальные, культурные, символические границы играют ключевую роль в организации повседневности локальных сообществ. Показательным примером являются посёлки городского типа, где границы между "своими" и "чужими" обретают особую чувствительность. Также границы переопределяются в зависимости от миграционных потоков, медийных нарративов, различных повседневных практик. Современные вызовы требуют более глубокого анализа механизмов включения и исключения, а также переосмысления роли границы как инструмента не разделения, а диалога и сотрудничества.

Коллеги, большое спасибо за интересные выступления, считаю, что обмен мнения состоялся и был весьма содержательным.

Литература / References

1. Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. "Каждую пятницу в мечеть ребята ходят": религиозные практики молодых мигрантов в условиях якутской повседневности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 23–30. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30>
Ardalyanova A. Yu., Yakovlev A. I. "Every Friday Guys Go to the Mosque": Religious Practices of Young Migrants in the Context of Yakutian Everyday Life // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 23–30. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30> (In Russ.).
2. Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В., Леонтьева Э. О. Этничность как стигма: взаимодействие волн миграции на Дальнем Востоке России // Вестник Томского государственного

- го университета. *Философия. Социология. Политология*. 2023. № 76. С. 163–181. <https://doi.org/10.17223/1998863X/76/16>
- Bliakher L. E., Kovalevskii A. V., Leontyeva E. O. Ethnicity as a Stigma: Interaction of Migration Waves in the Russian Far East // *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024. Vol. 76. P. 163–181. <https://doi.org/10.17223/1998863X/76/16> (In Russ.).
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019.
Weber M. *Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology*. Vols. 1–4. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016–2019. (In Russ.).
 4. Ковалевский А. В. Мерцающий город: взгляд на Хабаровск у различных поколений трансмигрантов // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 10. С. 1863–1874.
Kovalevskii A. V. The Shimmering City: a View of Khabarovsk by Different Generations of Transmigrants // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 17. Issue 10. P. 1863–1874. (In Russ.).
 5. Сердюков К. Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // *Демографическое обозрение*. 2024. Т. 11. № 3. С. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716>
Serdyukov K. N. Crime of Foreign Migrants in Russia: Facts and Speculation // *Demographic Review*. Vol. 11. Issue 3. P. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716> (In Russ.).
 6. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: "Владимир Даль", 2008. 285 с.
Filippov A. F. *Sociology of space*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008. 285 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: leonid743342@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований социального капитала Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@togudv.ru

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Константин Николаевич Сердюков, канд. соц. наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: me@serdjukov.ru

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: leonid743342@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@togudv.ru

Elvira O. Leontyeva, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Konstantin N. Serdyukov, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Social and Medical Geography, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: me@serdjukov.ru

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru